

«АЙЯ-СОФИЯ» И. БУНИНА И О. МАНДЕЛЬШТАМА

Самахер Хасан Давуд

Багдадский университет

Поступила в редакцию 21 августа 2017 г.

Аннотация: в статье анализируется специфика воплощения образа всемирно известного собора Святой Софии Константинопольской в одноименных стихотворениях И. Бунина и О. Мандельштама «Айя-София». Выявляются особенности актуализации «потайного смысла» рассматриваемых произведений, значение различных культурных традиций для художественной интерпретации образа древней святыни. В статье выявляется гуманистический опыт русской классики, основанный на глубоком знании «своей» и «чужой» культуры, его значение для установления полноценного диалога между разными странами и народами.

Ключевые слова: И. Бунин, О. Мандельштам, художественный текст, Айя-София, русская классика.

Abstract: the article is devoted the specifics of the embodiment of the image world-famous Cathedral Hagia Sophia in the same verses by I. Bunin and O. Mandelstam. The peculiarities of actualization of the "meaning" of considered works, the value of different cultural traditions for the artistic interpretation of the image of the ancient shrines. The article reveals the humanistic experience of Russian classics, based on a deep knowledge of «their» and «alien» culture, and its significance for the establishment of dialogue between different countries and peoples.

Key words: I. Bunin, O. Mandelstam, fictional text, Cathedral Hagia Sophia, russian classics.

К образу Айя-Софии, древней святыни, олицетворяющей таинственную непостижимость Востока, Иван Бунин и Осип Мандельштам обращались в начале XX столетия. Как пишет один из современных исследователей, в этот период русской истории «кризис европоцентризма и позитивизма сделал насущным вопрос о переосмыслении старых и создании новых космологических и религиозно-философских систем с перенесением центра тяжести на наиболее общие проблемы мироздания и бытия человека в меняющемся мире» [11, 25]. Восток и Запад в духовной атмосфере начала и первых десятилетий XX века многими участниками литературного процесса воспринимались как категории, позволявшие осмыслить соотносённость культур и цивилизаций, барьеры и трудности, возникающие на пути их взаимодействия и сосуществования [4, 417—427].

Для И. Бунина указанная проблематика была чрезвычайно актуальна: «стремясь познать универсальные законы бытия, Бунин интересовался и увлекался разными религиозными учениями... артистическая, обострённо чувственная природа бунинского художественного дара позволила ему действительно «познать тоску всех стран и всех времён». В его поэзии и прозе, отображается многообразие мира с его религиозными традициями, природными особенностями, легендарными преданиями [5, 15]. Очевиден интерес русского писателя к мусульманскому Востоку. В разные годы будущий лауреат Нобелевской премии по литературе

побывал в Египте, Сирии, Турции, других странах, исповедующих ислам. Образы, почерпнутые из религиозных учений и преданий мусульманского Востока, широко представлены в его «путевых поэмах» «Тень птицы», рассказе «Город Царя Царей» и в таких известных стихотворениях, переведенных на арабский язык, как «Ночь Аль-Кафра», «За измену», «Черный камень Каабы», «Пастухи», «Зеленый стяг», «Путеводные знаки», «Священный прах», «Стамбул», «Ковсёр», «Гробница Сафии», «Магомет в изгнании», «Тэмджид», «Тайна», «Мекам» и других. По заслуживающему доверия свидетельству, после посещения И. Буниным Турции «ислам вошёл глубоко в его душу» [9, 222]. До 1915 года поэт создал более тридцати стихотворений на ориентальную (преимущественно мусульманскую) проблематику.

«Восток привлекал к себе Бунина как историческая загадка и как мировая проблема...» [10, 248]. Одной из таких загадок, таящих в себе скрытый смысл исторических событий и духовных открытий, по мнению ряда исследователей, был собор святой Софии Константинопольской, переименованный в Айя-Софию. Самим фактом своего существования эта древняя святыня опровергала многочисленные теории о «бренности цивилизаций».

Показательно, что И. Бунин интересуют не былые сражения, но сам величественный храм, переживший крушение когда-то казавшейся вечной византийской империи, притягательная сила воздействия древней святыни на людей разных исповеданий. Существенно, что Айя-София открывается лирическому герою не в историческом, а в ритуально-метафи-

зическом измерении жизни, во время чтения под её сводами священной Книги мусульман:

Светильники горели, непонятный
Звучал язык, — великий шейх читал
Святой Коран, — и купол необъятный
В угрюмом мраке пропадал.
Кривую саблю вскинув над толпою,
Шейх поднял лик, закрыл глаза — и страх
Царил в толпе, и мертвою, слепою
Она лежала на коврах... [1, 51]

Как известно, в «путевых поэмах», изданных под названием «Тень птицы», И. Бунин писал: «...турецкая простота, нагота Софии, возвращает меня к началу Ислама, рожденного в пустыне» [2, 512]. Но в стихотворении «Айя-София» лирический герой не задумывается о минувшей истории, выступая в роли зрителя, сообщающего лишь то, что видит и переживает. Чашеобразный купол собора, в византийской архитектурной эстетике символизирующий небо, «опрокинутое» на землю [6, 97—114], поражает лирического героя не только своей «необъятностью», но и «недоступностью». Для подготовленного читателя эта характеристика согласуется с основами мусульманской догматики об устройстве мира (о недоступности и множественности небес), известной Бунину по чтению Корана (в переводе), рассказам правоверных. Символично и описание обряда, происходящего под сводами Айя-Софии: великий шейх поднимает над толпою молящихся мусульман изогнутый клинок, подобный полумесяцу, что освещал путь пророка Мухаммеда в Медину.

В «путевой поэме» «Тень птицы» сцена обряда описана И. Буниным в иной (очерковой) стилистике: ««Пышно и грозно звучат и гортанные восклицания Шейх-уль-Ислама, читающего с резного михраба Коран с кривой обнажённой саблей в руке. Но даже и в этом есть простота пустыни» [2, 512].

Образный ряд в стихотворении «Айя-София» напоминает о заветах и запретах, содержащихся в тексте Корана: обращаясь лицом к Всевышнему, «великий шейх» закрывает глаза, ему внимают, на время «ослепнув», пришедшие на молитву мусульмане. Укажем на перекличку шестой строки «Айя-Софии» со стихотворением И. Бунина «Пастухи»: «И, склонив колени, мы закроем / Очи в сладком страхе...» (ср.: «...и страх / Царил в толпе...»). Семантически «страх» здесь соответствует «богобоязненности».

Отметим также соотносённость седьмой и восьмой строк «Айя-Софии» со стихотворением И. Бунина «Макам»: «Завет гласит: «Узревший — умирает», / Но смерть есть приближенье к божеству» [1, 67].

Мотив священного места, позволяющего приблизиться к «надмирному» измерению жизни каждому, кто в этом нуждается и в ком жива вера, усилен и продолжен в утреннем описании Айя-Софии:

А утром храм был светел. Все молчало
В смиренной и священной тишине,

И солнце ярко купол озаряло
В непостижимой вышине.
И голуби в нем, рея, ворковали,
И с вышины, из каждого окна,
Простор небес и воздух сладко звали
К тебе, Любовь, к тебе, Весна [1, 51]

Весенний «светлый» храм, реющие и воркующие под его куполом голуби, «простор небес», открывшийся из окон, указывают лирическому герою на жизненную перспективу, понятную в свете близкой И. Бунину христианской традиции.

Величественный собор, переживший крушение империй, войны и по-жары, преодолев разрушительную силу времени, притягивал к себе О. Мандельштама. Стихотворение «Айя-София» поэт включил в свою первую книгу стихов «Камень»:

Айя-София — здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи подвешен к небесам [3, 23].

В отличие от И. Бунина, сосредоточенного на метафизическом смысле происходившего под сводами Айя-Софии, в поле художественного зрения О. Мандельштама — легендарно-исторический аспект: в первых же строках стихотворения содержится аллюзивная отсылка к древней легенде, согласно которой место для строительства грандиозного храма указал сам Всевышний. Однако принято считать, что строки «здесь остановиться / Судил Господь народам и царям» могли относиться не только к византийскому императору Константину, но и к турецкому султану, завоевавшему стоящий на берегу Босфора Цареград, не разрушив собор, прославленный многими поколениями агиографов.

Для О. Мандельштама, ко времени создания стихотворения «Айя-София» разделявшего важнейшие эстетические принципы акмеизма, имеет значение свидетельство и «слово очевидца», важно земное, а не божественное происхождение древнего памятника архитектуры и культуры. Показательно, в частности, описание купола, который «как на цепи подвешен к небесам». Специалисты объясняют, что иллюзия висящего (словно «парящего») над землёю купола создаётся архитектурным ансамблем: «Во-первых, четыре мощных столба, несущие купол, остаются почти незаметными зрителю, так как искусно замаскированы лёгкими перегородками. Ребристый центральный купол с востока и запада поддерживают две более низкие полусферы, каждая из которых поддерживается ещё тремя полусферами, переходящими в полуцилиндрические ниши — «апсиды и экседры». Каскад ниспадающих полусфер «гасит» распор купола и обеспечивает прочность конструкции.

Во-вторых, купол окружает лента из 40 окон. Размеры и промежутки между ними рассчитаны таким образом, что солнечный свет, проникая внутрь, словно обрезает купол. В результате создаётся впе-

чатление, особенно яркое в солнечные дни, что купол парит в воздухе» [8, 11—15].

О. Мандельштам, стремившийся точно воссоздать подробности этого величественного сооружения, видел в самом сложном ансамбле бессмертный замысел мудрого зодчего, построившего храм, равно ориентировав его на Запад и Восток:

Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток? [3, 23]

В стихотворении О. Мандельштама нет противопоставления сторон света, нет противостояния цивилизаций и конфессий — в горизонтах достижений культуры, олицетворением которой является древний собор, стираются эти различия. По замечанию М. Гаспарова, известного исследователя творчества О. Мандельштама, в «Айя-Софии» откликается очень важный для поэта «мотив культурной непрерывности, собор организует как время, так и пространство» [7, 327—370], возносясь над земным сроком, отпущенным и человеку, и обычному зданию:

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживёт...» [3, 23]

По О. Мандельштаму, прекрасный «храм, купающийся в мире» [3, 23], благодаря своему легендарному «возрасту», берущему начало в «золотой век» Юстиниана I, и «мудрому» присутствию в месте, где встречаются Запад и Восток, не может не служить взаимопониманию людей, народов и цивилизаций.

Сравнивая специфику художественного воплощения древней святыни И. Буниным и О. Мандельштамом, нельзя не отметить, что прекрасное знание «своей» и «чужой» культуры в существенном роднит русскую классику. В одноименных стихотворениях И. Бунина и О. Мандельштама величественная Айя-София, вызывающая в сознании поэтов символические образы, восходящие к разным культурным традициям, является не просто храмом, почитаемым представителями разных конфессий, но и диалогически насыщенным «щедрым пространством», высвечивающим благодатную перспективу для торжества со-

кровенных надежд и убеждений, взаимопонимания разных стран и народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1987—1988. Т. 1.
2. Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1987—1988. — Т. 3.
3. Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. — М.: Терра, 1991. — Т. 1.
4. Алейников О. Ю. Испытание Востоком / О. Ю. Алейников // «Страна филологов»: проблемы текстологии и истории литературы. Сборник научных статей. — М.: ИМЛИ РАН, 2014. — С. 417—427.
5. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир...»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции: Монография / О. А. Бердникова; Воронежский государственный ун-т. — Воронеж: Издательство им. Е. А. Болховитинова, 2009. — 272 с.
6. Вагнер Г. К. Византийский храм как образ мира / Г. К. Вагнер // Византийская цивилизация в освещении российских учёных. 1947—1991. — М.: НИЦ «Ладомир», 1999. — С. 96—132.
7. Гаспаров М. Л. Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама) / М. Л. Гаспаров // Избранные статьи / М. Л. Гаспаров. — М.: Новое литературное обозрение, 1995. — С. 327—370.
8. Кулятин Д. А. Архитектура в поэзии Осипа Мандельштама. Византийский стиль. Готический стиль. Классический стиль. Поздние стихотворения. / Д. А. Кулятин, Л. С. Кулятина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2015. — Т. 25. — С. 11—15.
9. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина, 1870—1906. Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. — М.: Советский писатель. 1989. — 509 с.
10. Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин. История отношений. Проблемы творчества: Монография / А. Нинов. — Л., 1984. — С. 248.
11. Смольянинова Е. Б. «Восточные мотивы» в ранней прозе И. А. Бунина / Е. Б. Смольянинова // И. А. Бунин в диалоге эпох. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный творчеству И. А. Бунина. — Воронеж: ВГУ, 2002. — С. 25—37..

Багдадский государственный университет

Самахер Хасан Давуд, преподаватель факультета языков

E-mail: sarinhussain82@gmail.com

Baghdad state University

Samaher Hasan Dawood, Assistant Professor the Faculty of Languages

E-mail: sarinhussain82@gmail.com